

Т. А. Пан

Институт восточных рукописей РАН

DOI 10.69538/PV.2024.98.96.009

РИТУАЛ И МУЗЫКА В МАНЬЧЖУРСКОМ ОФИЦИАЛЬНОМ ШАМАНИЗМЕ

Традиционной религией маньчжуров и их предшественников чжурчжэней, как и всех тунгусо-маньчжурских народов Сибири, Приамурья и Приморья, был шаманизм.

С воцарением империи Цин в Китае (1644—1912) шаманство было признано национальной религией маньчжуров как неотъемлемый фактор сохранения национальной идентичности. Шаманство, равно как умение стрелять из лука (с колена и с лошади на скаку) и умение говорить по-маньчжурски¹, считалось обязательной характеристикой правящего этноса еще в начале правления династии в XVII в. Официальное признание шаманства как государственной религии Цин произошло в царствование Цянь-луна (1726—1796) и было узаконено «Утвержденным высочайшим указом Уставом маньчжурских жертвоприношений духам и Небу». В 1747 г. появился рукописный вариант на маньчжурском языке «Hesei toktobuha manjusai wecere metere kooli bithе», а в 1777 г. — на китайском языке «Цинь динь мань чжоу цзи шэнь цзи тянь дьянь ли» (钦定满州祭神祭天典例). Печатные варианты были изданы, соответственно, в 1778 и 1782 г.²

Памятник состоит из шести тетрадей-дэбтэлинь / цзюаней. Как указано в предисловии 1747 г., написанном императором Цянь-луном, этот текст был составлен с целью упорядочения ритуального камлания, текста шаманских молитв, а также был снабжен подробным описанием и рисунками предметов, используемых во время жертвоприношений в императорских храмах, и других молельнях семей императорского рода Айсинь-Гиоро. Значение «Устава» состоит в том, что он закрепил за шаманством статус официальной государственной религии. Дом императора представлял собой эталон ритуальных церемоний, проводимых в двух местах: дворце Кунь-

¹ Ван Чжун-хань. Гоюй цзишэ юй маньцзу фачжань (王钟翰. 国语骑射与满族发展 Государственный язык, стрельба из лука на скаку и развитие маньчжуров) // Цин ши синькао 清史新考. Пекин, 1990. С. 59—70.

² Fuchs W. Beiträge zur mandjurischen Bibliographie und Literatur. Tokyo, 1936. S. 99—100; Gimm M. Die Literatur der Manjuren // Neues Handbuch der Literaturwissenschaft. Bd. 23. Wiesbaden, 1984. S. 209.

нингун и храме шаманских предков Тансэ, состоящем из основного павильона и малого павильона *ордо*¹. Тем не менее «Устав» допускает тот существовавший факт, что каждый маньчжурский клан или род, наряду с общими духами верхнего и нижнего миров, имел свой пантеон духов-покровителей, которым они также приносили жертвы.

Первые переводчики этого текста на французский язык — Л. Лангле (1804)² и дэ Арлэ (1887)³ — оправданно считали памятник образцом маньчжурской оригинальной литературы. Однако Б. Лауфер в 1908 г. выразил сомнение в относительной самостоятельности текста, видя в его основе «древнекитайскую государственную религию, лишь слегка задетую буддийским влиянием»⁴. Это мнение возникло у Лауфера в связи с тем, что описанные в «Уставе» ритуалы жертвоприношений значительно отличаются от привычных описаний шаманских камланий, когда все действия производятся только шаманом. Переводчик «Устава» на русский язык А. В. Гребенщиков называл этот текст образцом маньчжурской литературы, тем не менее признавая и значительное китайское влияние, характерное для всей официальной культуры того времени, а также ритуализованный характер описанных церемоний

В «Уставе» дается подробная инструкция действий каждого участника жертвоприношения в Куньнингуне при новогодних праздничных обрядах⁵, ежемесячных 3-го числа 1-го месяца и 1-го числа каждого месяца, большом молении о счастье⁶, жертвоприношениях в Тансэ в 1-й день Нового года, всем духам-*вэчэку* в 3-й день Нового года и 1-й день каждого месяца, духам-*вэчэку* 26-го числа 12-го месяца, жертвоприношение за лошадей и омывание статуи Будды в

¹ *Ордо* — круглая царская палатка без окон и дверей; шатер, беседка с решетчатыми дверьми, окнами на все четыре стороны (Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875. С. 134).

² Langlès L. Rituel des Tartars-Mantchoux, rédigé par l'ordre de l'Empereur Kien-long, et précédé d'un discours préliminaire composé par ce souverain; avec les dessins des principaux ustensiles et instruments du culte chamanique; ouvrage traduit par extraits du tartar-mantchou, et accompagné des textes en caractères originaux. Paris, 1804.

³ De Harlez Ch. La religion nationale des Tartares Orientaux. Bruxelles, 1887.

⁴ Laufer B. Skizze der manjurischen Literatur // Keleti szemle [Revue orientale]. Budapest, 1908. Vol. 9. No 1—2. P. 1—53.

⁵ Английский перевод описания церемоний во дворце Куньнингун см.: Pang T. A. The Kun-ning-gung Palace in Peking: The Manchu Dynasty's Shaman Centre in the «Forbidden City» // Shaman. 1993. Vol. 1. No. 2. P. 57—70.

⁶ Пан Т. А. Шаманская церемония «Моления о счастье» из «Утвержденного императором Устава шаманской службы маньчжуров» // Varietas delectans: Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб., 2012. С. 417—428.

8-й день 4-го месяца¹. Описанные в «Уставе» церемонии жертвоприношений делятся на два типа: утренние и вечерние, точнее — ночные, когда все духи спускаются на землю.

Характерным ритуалом для маньчжуров, как некогда конной нации, был обряд весеннего и осеннего жертвоприношения конскому духу. Для них сила и здоровье лошадей являлись основополагающими, от этого зависел исход военного сражения. В «Уставе» дается описание двух обрядов за лошадей. Первый совершается в часовне-*ордо* храма предков Тансэ. Он относительно короткий. Второй — большой ритуал — проводят в главном здании Тансэ, когда кроме жертвенных снедей и вина забивают двух свиней и готовят жертвенное мясо.

Рассмотрим описание краткого обряда моления за лошадь в переводе А. В. Гребенщикова 1939 г., рукопись которого хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН²:

Описание обряда жертвоприношения в часовне-*ордо* храма предков за лошадей

При совершении в часовне храма предков-*ордо* жертвоприношения за лошадей в первый день помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс (*amsun-i janggin*) и один служитель при приготовлении жертвенных мяс (*amsun-i niyalma*) подвешивают к столбику-подставке из хвойного дерева, установленной внизу высокого стола, двадцать семь монет, вырезанных из чистой бумаги; на высокий стол ставят жертвенные предложения: поднос с печеньем из битого пшеничного теста и чашечку сладкого вина. На высокий стол также кладут двадцать пар зеленых шелковых лент. Поставив на низком столе, установленном на земле, две большие чаши-миски, в одну наливают вино, а другую оставляют порожней.

Заведующий возжением благовоний (*hiyan-i da*) зажигает курительные свечи. Смотритель казенных табунов [4-го старшего класса чиновник], подведя на поводу пять пар белых лошадей, останавливается, оборотаясь лицом к западу, в восточной стороне вне часовни, ниже вымощенной каменной или кирпичной плитой дорожки [от главных ворот до храма]. Два придворных евнуха (*taigiyan*), играющих на трех- (*tenggeri*) и четырехструнном инструменте (*fifan*), усаживаются на дорожке в западной стороне, оборотаясь лицом к во-

¹ Пан Т. А. Культ «Фодо-мама» у маньчжуров // Балканистика. Алтаистика. Общее языкознание: Памяти Альбины Хакимовны Гирфановой (1957—1918) / Отв. ред. Н. Л. Сухачев. СПб., 2019. С. 508—513.

² Рукопись А. В. Гребенщикова: Архив востоковедов, фонд 75, опись 1, папка 2, тетр. 1, л. 32—36; маньчжурский ксилограф: Отдел рукописей и документов ИВР РАН, Маньчжурский фонд, С 70 mss, л. 25а—28а.

стоку, а служители по охране шаманского храма предкам (*tangse tuwakiyara niyalma*), ударяющие в кастаньеты (*düre carki*) и бьющие в ладоши, — в восточной стороне, обратясь лицом к западу.

Шаман, приблизившись, становится на колени. Заведующий возжением благовоний подносит шаману чашечку с блюдцем. Шаман, приняв их, шесть раз делает возношение вина. Один помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс становится в западной стороне вне часовни, внизу площадки-крыльца часовни. По возглашении им: «ударяйте в кастаньеты» — играют на трех и четырехструнных инструментах, ударяют в кастаньеты и бьют в ладоши. Шаман при каждом возношении вина переливает вознесенное вино в порожнюю чашу-миску; снова из чаши с сладким вином налив нового вина в две поставленные в ряд чашечки, делает возношение вина духам.

При каждом возношении вина помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс возглашает приказание петь хором — служители по охране храма поют хором. После шестикратного возношения шаман, отдав назад заведующему возжением благовоний чашечку, кладет один земной поклон, а поднявшись, складывает ладони вместе и подносит ко лбу. Когда помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс возгласит приказание прекратить ударять в кастаньеты — временно прекращают играть на трех- и четырехструнных инструментах и ударять в кастаньеты. Заведующий возжением благовоний подносит шаману меч. Когда шаман, приняв меч, подходит вперед, помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс возглашает приказание ударять в кастаньеты — играют на трех и четырехструнных инструментах, ударяют в кастаньеты и бьют в ладоши.

Шаман, положив один земной поклон, поднимается; по приказанию помощника смотрителя за приготовлением жертвенных мяс — поют хором. Шаман, трижды приклонив колена на меч, единожды выполняет молитвенное песнопение; во время коленопреклонения на меч поют хором. После троекратного, сообразно с этим выполнения шаманом молитвенного песнопения и девятикратного коленопреклонения на меч, шаман, положив единожды земной поклон, поднявшись и снова совершив трижды коленопреклонение на меч, — отдает его обратно заведующему возжением благовоний. Помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс возглашает приказание остановиться ударять в кастаньеты: игру на трех и четырехструнных инструментах, удары в кастаньеты прекращают и, поднявшись, отступают назад.

Шаман, преклонив колена, обращается с молитвою о ниспослании счастья, кладет один земной поклон; поднявшись, складывает ладони вместе и подносит ко лбу. Вслед за этим, встав в восточной стороне близ высокого стола и взяв положенные на столе ленты (л. 286), он произносит молитву духам о ниспослании счастья, обкуривая ленты курильницей благовоний; отдав ленты помощнику

смотрителя за приготовлением жертвенных мяс, шаман отступает назад. Помощник смотрителя за приготовлением жертвенных мяс вручает шелковые ленты смотрителю казенных табунов, который подвязывает их к гривам и хвостам лошадей. Принесенные в жертву вино и хлебцы выдают зрителям казенных табунов.

Молитвословие при жертвоприношении первого дня в часовне шаманского храма предкам за верховых лошадей

Сыны неба! Ниохонь Тайчжи! Удубэнь бэйсэ! Возношу вино в жертву за верхового коня [коней] такого-то, малой личности, родившегося в год... [за чью лошадь совершается жертвоприношение и чей год рождения возглашается]! Ухватив хребет — подымите, повысьте его (видимо: вознесите его. — *Т. II.*)! Поймав гриву — поднимите, взвейте, когда глотает [в беге] ветер. Сделайте упитанно-жирным, когда вбирает в себя [туман], мокнет от тумана. Уточните — придайте силы — когда поедает траву. Состарьте, когда грызет чернобыльник. Не допустите спотыкаться, падать в рвы, промоины. Не дайте попасть вора. Духи предков, прошу присматривать, иметь попечение! Вэчеку, прошу покровительства!

Как видно из текста в переводе А. В. Гребенщикова, описанная церемония действительно похожа на ритуализованное китайское жертвоприношение, в котором участвуют служители дворцового департамента ритуалов и которые выполняют свою, узаконенную Уставом роль. Можно выделить следующие элементы, несвойственные типичному маньчжурскому камланию.

Жертвоприношением руководит распорядитель, которым в данном случае является помощник смотрителя за приготовлением жертвенного мяса — *amsun-i janggin* и который отдает команды музыкантам. Есть ответственные за приготовление жертвенных приношений — *amsun-i niyalma* и возжжение благовоний — *hiyan-i da*. В шаманских камланиях, которые еще можно наблюдать в маньчжурских деревнях, шаман сам участвует в подготовке жертвоприношений, чем подготавливает личное общение с духами.

По «Уставу» при жертвоприношении присутствует группа музыкантов, играющих на трехструнном инструменте — *tenggeri* и четырехструнном инструменте — *fifan* и отбивающих ритм трещотками — *dûre carki*. В последней тетради «Устава» помещены рисунки этих и других инструментов, в числе которых китайские пипа, цин, колокольчики, большие и малые литавры, корильоны из каменных пластин, трещотки. В обычном маньчжурском камлании используются только бубен и конусообразные колокольчики, подвешенные на поясе шамана и его помощников, и лишь иногда — трещотки.

Среди участников церемонии присутствуют дворцовые евнухи-*taigiyan*, играющие на музыкальных инструментах, им помогают служители по охране храма предков — *tangse tuwakiyara niyalma*, играющие на трещотках и бьющие в ладони.

Интересно отметить, что музыканты с китайскими инструментами привлекаются только к утренним жертвоприношениям, тогда как во время ночных жертвоприношений шаман камлает с помощью бубна, поясных колокольцев и барабана. Музыканты-евнухи на ночные жертвоприношения не приглашаются. Более того, текст молитвы и шаманские призывы духов являются типичными для тунгусо-маньчжурских камланий. Поскольку в «Уставе» дается «формула» молитвы, в которую должно быть вставлено имя человека, за которого просят помощи духов, то в определенном месте текста есть указание: *tere aniya osohon beye-i (wei morin-i jalin wececi, wei banjaha da aniya be hulambi)* — «такого-то, малой личности, родившегося в год... (за чью лошадь совершается жертвоприношение и чей год рождения возглашается)». Эта фраза повторяется во всех молитвах, приведенных в Уставе и прописана малым шрифтом.

Как видно из описания даже краткой церемонии камлания за верховых лошадей, к середине XVIII в. в результате постоянного контакта маньчжуров с другими культурами (и в первую очередь — китайской) произошли определенные изменения в дворцовом шаманском ритуале. Они и были зафиксированы в «Уставе». В Пекине и домах маньчжурской знати он стал скорее ритуальной церемонией, в то время как шаманские камлания сохранились в почти неизменном виде на исторической родине маньчжуров и в местах их расселения в Синьцзяне вплоть до наших дней.

К. Хамфри считает, что изучение шаманизма, как и других форм религии, должно проводиться в зависимости от форм государственной власти¹. Продолжая эту мысль, мы можем согласиться с Н. ди Козмо в том, что «шаманизм, рассматриваемый под этим углом, перестает быть всеобъемлющей системой, связанной с определенной стадией политической, духовной и культурной эволюции данного общества. Он существует как часть жизни людей и поэтому подвергается изменениям и модификациям, которые происходят в момент глубоких социальных и политических преобразований. Когда клан типичного шаманского общества перерастает в иерархическую государственную структуру, тогда, соответственно, изменяются и шаманские ритуалы, практики и верования»². Именно такую

¹ *Humphrey C. Shamanic Practices and the State in Northern Asia: Views from the Center and Periphery // Shamanism, History and State / Ed. by N. Thomas, C. Humphrey. Ann Arbor, 1994. P. 193.*

² *Di Cosmo N. Manchu shamanic ceremonies at the Qing court // State and court ritual in China / Ed. by J. P. McDermott. Cambridge, 1999. P. 363.*

ситуацию мы наблюдаем, рассматривая маньчжурский шаманизм, который явился отражением маньчжурского самосознания в китайской и буддийской среде. Текст «Устава шаманской службы маньчжуров» убедительно показывает, что описанные камлания являлись лишь частью дворцового быта, и их главное значение заключалось в уважении и дани традиции.

Tatiana A. Pang.
Ritual and music of the Manchu official shamanism

With the establishment of the Qing dynasty in China (1644—1912), shamanism was recognized as the national religion of the Manchus, as an integral factor in preserving national identity. The main ceremonies were held in two imperial complexes — in the Kunninggong palace and the Tangse shamanic temple. The sequence of actions of the participants during the rituals, the sacrifices offered to the spirits, the texts of the prayers were strictly prescribed in the «Code of Manchu sacrifices to spirits and Heaven, approved by the highest decree», published in Manchu in 1747 and in Chinese in 1777. Using the example of the morning sacrifice to the spirit of horses, a traditional Manchu ritual performed in the Tangse temple, the article examines ritual and its musical accompaniment, which were significantly influenced by traditional Chinese ritual. At the same time, the actions of the shaman and the texts of the prayer he pronounces remained purely Manchu.